

На правах рукописи

Тузовский Иван Дмитриевич

**КУЛЬТУРА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ:
УТОПИЧЕСКИЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
«ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»**

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени доктора культурологии

Челябинск – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты:

Костина Анна Владимировна, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности, директор Института фундаментальных и прикладных исследований АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

Соколов Аркадий Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры информационного менеджмента ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Шлыкова Ольга Владимировна, доктор культурологии, профессор, заместитель директора научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления, профессор кафедры ЮНЕСКО, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Защита состоится 23 декабря 2021 г. в ___ час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 210.020.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный институт культуры» по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, 1 корпус, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Челябинского государственного института культуры (<http://chgik.ru/>).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат культурологии, доцент

Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В течение своей истории человечество несколько раз проходило через разные периоды социальных и институциональных трансформаций, а также глобальных кризисов, которые порождались как внешними, так и внутренними факторами. По мере развития естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, оно все больше убеждалось в том, что первостепенные факторы возникновения разного рода кризисов, которые всерьез ставили людей современного физического типа на грань исчезновения как биологического вида, всегда имели антропогенную природу: климатические, биологические, экологические, геологические факторы служили лишь «триггерами» перехода критической ситуации из разряда потенциальной в разряд реальной антропологической катастрофы.

В конце XX – начале XXI вв. человечество вступило в эпоху системного кризиса, который связан с рядом общих и специфических факторов:

- рост глобальной политической напряженности (в 2018 г. так называемые «Часы Судного дня» были установлены на 23:58, такое значение ранее они имели лишь единожды – в 1953 г., когда СССР и США провели испытание термоядерного оружия с разницей в несколько месяцев; в 2020 г. стрелки часов были переведены на 23:58:20 – это антирекорд за всё время существования этого условного индикатора близости человечества к «концу света»);

- рост цивилизационной и глобальной культурной напряженности между богатым «Севером» и нищим «Югом»;

- демографический взрыв и угроза перенаселения, нехватка продуктов питания;

- катастрофическое загрязнение окружающей среды, снижение биоразнообразия, глобальное потепление и иные последствия изменений климата, нехватка невозобновимых природных ресурсов и электроэнергии;

- глобальное социальное неравенство, нищета и неграмотность более половины населения планеты, рост взаимной культурной нетерпимости, перетекающей в религиозные, этнические, расовые и иные конфликты;

- ускоряющийся социокультурный сдвиг, связанный с разработкой, коммерческим внедрением и социальной утилизацией hi-end технологий. Информационные технологии (обработки данных и коммуникации) трансформируют не только промышленность, но и естественнонаучные и даже гуманитарные исследования, политические режимы и практики повседневности. С одной стороны, они невероятно усиливают потенциал гуманизации современной культуры, с другой – приводят ко все более ранней культурной дезадаптации старшего поколения, сбоям механизмов передачи социального и культурного опыта, в целом межпоколенной

коммуникации, непредсказуемым изменениям представлений о нормотипичном, о морали и пр.

Разрешение кризиса, по-видимому, всегда носит технологический характер: domestикация животных и растений, способы ведения земледелия – это такие же технологии, как и производство антибиотиков и вакцин. Однако осознание кризисной ситуации и переход к ее решению – это социально-гуманитарная проблема. Переход от охоты к скотоводству и от собирательства к земледелию – это не только вопрос *технологии*, но и вопрос *культурного сдвига*. Немецкий социолог Т. Веблен убедительно показал, насколько сильно препятствовало этому деление общества на производительный класс (занятый рутинным трудом) и праздный класс (занятый «креативным» трудом): охота в этих условиях более почетна, а земледелие – менее, хотя и обеспечивает большую долю потребности человечества в пище.

Таким образом, как первопричина кризиса носит социально-гуманитарный характер, так и его *конечное* решение лежит в социально-культурной плоскости, хотя, безусловно, приоритетно требуют поиска подходящих технологических решений.

Ядром современного системного кризиса видится формирование особого типа социокультуры, который получил в науке и политической практике название «информационного общества». Его отличает технократический характер политики и игнорирование гуманитарных аспектов решаемых проблем, супериндустриальный¹ характер производства, посткапиталистический характер экономических отношений, консьюмерный и развлекательный характер культуры, различные практики культурной сегрегации. Современная культура одновременно превентивно переживает этот кризис, умножая число произведений, посвященных теме постапокалипсиса и выживания человека после конца мира, и игнорирует его.

Проект «Информационного общества» вызрел в рамках *индустриального общества*, он совпадает по времени с IV технологическим укладом (1930-е – 1970-е гг.) и V технологическим укладом (1970-е – 2010-е гг.).

Исследование *культуры информационного общества* и ее утопического (позитивного проективного) и гуманистического потенциала в аспекте демифологизации этой концепции, теоретической ревизии и устранения накопившихся методологических и фактических противоречий представляется проблемой, обладающей несомненной теоретической и практической актуальностью и решение которой видится именно в поле культурологического дискурса.

¹ Этот термин, принадлежащий одному из классиков «информационной социальной теории» Э. Тоффлеру, более убедителен, чем имеющий большее хождение термин постиндустриализм.

Степень научной разработанности проблемы

Особенность объекта изучения связывается с междисциплинарным характером его анализа, разнообразием философских, социологических, политологических исследований. Вместе с тем, основной акцент в изучении литературы и источников делался автором на философско-культурологический ракурс проблемы, что потребовало углубленного анализа основных категорий культурологии, принципов и методов осмысления культуры, представленных в работах А. И. Арнольдова, П. П. Гайдено, А. Я. Гуревича, Б. С. Ерасова, Н. С. Злобина, С. Н. Иконниковой, Л. Г. Ионина, М. С. Кагана, Л. Н. Когана, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, Э. В. Соколова, А. Я. Флиера, В. С. Цукермана. При диагностике актуальной социокультурной ситуации анализировались исследования, посвященные социодинамическим изменениям современной культуры и общества (А. Моль, У. Бек, М. Кастельс, Н. Талеб и другие).

Формирование и развитие концепции информационного общества исследовалось в работе с позиций утопического потенциала (утопия как универсальная историческая форма проектирования общества), а потому важными в диссертации представлялись концепции и подходы, ориентированные на осмысление утопии и утопического типа сознания. Теоретические подходы к тому, что такое утопия, утопический проект и утопический тип сознания были разработаны в XIX – XX вв. такими исследователями, как Е. Шацкий, Э. Блох, К. Мангейм, Н. К. Михайловский, В. В. Святловский, К. Мангейм, В. В. Святловский, Ч. С. Кирвель, Дж. Кейтеб, Э. Я. Баталов, Н. К. Михайловский, из современных исследователей – В. И. Мильдон, С. В. Евдокимов, Т. С. Стяжкина, И. В. Фролова, С. В. Некрасов, П. В. Колозарида, Е. Л. Черткова,

Работы таких ученых, как И. В. Бестужев-Лада, Э. Блох, С. Р. Динабург, А. Ф. Поломошнов, А. П. Бахурец, Д. В. Иванов, Ю. В. Асочаков, Н. М. Мухаметжанова помогли развить важную для диссертационного исследования мысль о когнитивном скачке, который совершается в радикальной утопии.

Сильные утопии-предтечи концепции информационного общества были исследованы на базе анализа трудов В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, К. Поппера, П. К. Фейерабенда, Г. Маркузе, Э. Фромма, Ж. Эллюля и других.

Работы современных исследователей позволили обобщить подходы к пониманию утопического, выделить утопические и антиутопические универсалии. В их числе необходимо указать таких ученых, как А. А. Дыдров, М. А. Кярова, Л. А. Морщихина, Б. Невский, С. С. Романов, Т. С. Стяжкина, П. Б. Уваров, И. В. Фролова и др.

Концепции, которые с одной стороны использовали накопленный позитивистской наукой потенциал, основывались на утопических универсалиях, а с другой – сами стали предтечами развития концептуального поля информационного общества, сформулированы в трудах К. Маркса, В. И. Вернадского, П. Т. де Шардена, К. Поппера, П. Фейерабенда, Г. Маркузе и Э. Фромма. Ноосферная проблематика получила активное освещение в современной российской науке, особенно в работах видного теоретика глобально-эволюционистского подхода А. Д. Урсула.

Классические представления о природе современного общества на его поздне- или постиндустриальном этапе развития были сформулированы в работах Д. Белла, Й. Масуды, Э. Тоффлера, Зб. Бжезинского, Дж. Мартина, П. Дракера, Ж. Делеза, А. Турена, Ж. Аттали, М. Кастельса, Дж. Нейсбита, Г. Бехмана и др. Отдельно следует указать, что сама проблематика экономики, основанной на знаниях, технологических ноу-хау, информационном менеджменте разрабатывалась и более ранними исследованиями. В рамках диссертационной работы были актуализованы труды Дж. Гэлбрейта, Дж. Бёрнема, А. Пенти, А. Кумарасвами и другими.

Специальный раздел диссертации был посвящен анализу взглядов современных российских ученых на исследуемую проблематику. Крупные монографические исследования по проблеме информационного общества были опубликованы А. В. Соколовым, Д. И. Ивановым, Р. Ф. Абдеевым, К. К. Колиным, И. Ю. Алексеевой и др. К числу высокоцитируемых статей релевантно относящихся к основной проблематике исследования относятся труды таких специалистов, как М. Ф. Алиева, Т. Ф. Берестова, С. А. Дятлов, И. А. Грибов, А. Еляков, Н. М. Тюкавкин, М. В. Загидуллина, М. В. Ищенко, В. Н. Костюк, Г. Л. Смолян, Д. С. Черешкин, Э. К. Погорский, О. О. Проскурина, Е. В. Фоминых, Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев, С. Г. Азарян, В. А. Стародубцев, Л. К. Пипия, Л. Э. Миндели, Т. П. Петухова, Б. А. Дорошин, Ю. П. Агафонкина, С. И. Паринов, Г. В. Телегина и другие.

Проблематика философии культуры информационного общества исследовалась А. С. Карминым, Л. В. Баевой, В. М. Жеребиным, О. Н. Махровой, О. А. Захаровой, Д. В. Булаевой и др. Особенный предмет исследований представляет категория информационной культуры. Исследованию антропологического, психологического, педагогического, технологического, культурного содержания информационной культуры посвятили работы Л. А. Василенко, И. Н. Рыбакова, А. Р. Файзуллина, Н. В. Лопатина, П. Н. Киричек, А. А. Демидов, Г. В. Полякова, О. П. Черных, Г. В. Воробьев, Л. А. Пронина, М. М. Семенова, В. И. Фомин, Н. Р. Нурмеева, С. В. Чирков, В. В. Кихтан, М. Л. Груздева, Н. И. Туkenова, Д. Е. Прокудин, И. А. Савина, А. В. Уразова, К. В. Ускова, В. С. Пузикова и многие другие российские ученые.

Освещение различных вопросов, связанных с прогнозированием антропогенеза в контексте информационной революции, прогнозировании развития культуры в XXI в. основывались на работах Л. Мэмфорда, Э. Дрекслера, К. Сагана, Т. Веблена, Э. Гидденса, М. Пенна и К. Залесн, А. Дж. Тойнби, В. М. Строецкого, А. Этциони, А. Я. Флиера, А. В. Костиной, С. Б. Синецкого, А. В. Соколова, П. Б. Уварова и др.

Проблема глобализации культуры получила свое освещение в работах таких философов, культурологов, социологов и политологов, как Дж. Най, С. Хантингтон, П. Бергер, Р. Шапиро, Я. Яньсень, Й. Фан, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, З. Бауман, Э. Хейвуд, Ч. Вуйфел, Дж. Нейсбитт, Э. Тоффлер, Т. Шринивас и др.

Процессы медиатизации общества, вопросы медиаполитики и медиакультуры (как ключевые понятия информационной эпохи) нашли отражение в работах как зарубежных исследователей Д. Белла, М. Кастельса, М. Маклюэна, Л. Мановича, Э. Томпсона, Э. Тоффлера, С. Холла; отечественных исследователей культуры: А.В. Дроздовой, В. К. Егорова, А. В. Костиной, К. Э. Разлогова, В. А. Савчука, А. П. Садохина, Н. А. Симбирцевой, А. В. Федорова, Н. Ф. Хилько. Особого внимания в диссертации заслуживали концепции современных исследователей культуры, осмысляющих информационно-медийную и цифровую среду современного общества, в числе которых следует обозначить О. Н. Астафьеву, В. Я. Аскарнову, М. Ю. Гудову, Н. Б. Кириллову, А. В. Костину, О. В. Шлыкову.

Среди российских исследователей сущности глобализации и глобализационных процессов необходимо отметить работы Н. Г. Апухтиной, Д. В. Иванова, В. А. Дергачева, О. Филатовой, О. Н. Тыняновой. Связь процессов глобализации, информатизации и социокультурных трансформаций исследуется Т. Г. Богатыревой, Валитовым О.К. и Валитовым И. О. Авторы приходят к выводу, с одной стороны, о невозможности сведения всего множества глобализационных процессов к культурной унификации, с другой стороны – усматривают риски снижения культурного многообразия.

В оригинальном разрезе концепта «культуры согласия» рассматривает процессы глобализации М. П. Меняева, В. С. Невелева. Само рассмотрение исторической длительности феномена глобализации в работе опирается на концепцию социальной и культурной динамики П. А. Сорокина.

Особого упоминания в связи с анализом проблемы связанности системы коммуникаций и социокультурного состояния заслуживают труды П. А. Сорокина («Система социологии», «Социальная и культурная динамика») и М. Маклюэна («Галактика Гуттенберга: Становление человека печатной культуры», «Понимание медиа: Внешние расширения человека», «Война и мир в глобальной деревне»), У. Эко (эссе «Средние

века уже начались», «От Гуттенберга к Интернету»). Теоретические подходы к ревизии концепции информационного общества основывались на таких работах как «Метатеория социальной коммуникации», «Философия информации», «Информационное общество в социальной и виртуальной реальности» А. В. Соколова, «Картины мира и типы рациональности» и другие работы М. Вебера.

Вопросы реактуализации архаических культурных практик анализировались на основании работ российских и зарубежных ученых, посвященных мифологическому сознанию, антропологии магии. В их числе необходимо упомянуть таких исследователей, как Б. Малиновский, Й. Хейзинга, В. С. Пьяных, О. Т. Кирсанова, Ю. В. Ермолина, В. М. Пивоев, М. С. Каган, В. Л. Нейдинг, Ю. Б. Бореев, Ю. О. Новик, В. С. Ежов, Е. Н. Ростошинский.

Исследуя суперсубкультуры Цифровой эпохи, диссертант опирался на концепции глэм-культуры и глэм-капитализма, сформулированные О. Ф. Русаковой и Д. И. Ивановым; а также основные работы, сложившиеся в культурологии и социологии при осмыслении субкультурных образований (А. Коэн, Р. Клауорд и Л. Оулин, Д. Магглтон, М. Вальтц; работы российских исследователей Г. Сикевич, В. Т. Лисовского, Е. Л. Омельченко, Т. Б. Щепанской, В. В. Бочарова).

Исследования игровой культуры базировались на наблюдениях, сделанных М. Н. Шудейко, И. Н. Пупышевой, Е. А. Андреевым, В. Д. Грачевым, Е. Н. Герасиковой, Е. Н. Родиной, Г. А. Шпаковой. В мировой практике акценты исследований смещены на прикладные и практические основы настольного геймдизайна и разработки (поскольку в 2000-е гг. происходит профессионализация различных видов деятельности, связанной с созданием цифровых и настольных игр). В зарубежной науке интерес к социокультурным аспектам видеогейминга возникает в конце 1980-х - начале 1990-х; годом рождения дисциплины, изучающей видеоигры, обычно называют 2001-й, когда вышел первый номер журнала с соответствующим названием «Game Studies». Среди исследователей данного направления необходимо назвать Т. Лиен, Г. Салливан, С. Грундберга, Дж. Хансегарда, А. Ленхарт, Дж. Кана, Э. Мидаф, А. Р. Макгилл, К. Эванса, Дж. Витак и др.

Переходя от теоретических подходов к рассмотрению истории философских, социальных и культурных воззрений и понятий, связанных с концептом «информационное общество» – к конкретным аспектам его функционирования, в диссертационном исследовании потребовалась проработка концепций культурной политики, наиболее полно и системно отраженных в трудах О. Н. Астафьевой (системообразующие подходы к пониманию культурной политики), А. С. Балакшина и Г. М. Бирженюка (организационно-управленческие аспекты регулирования культурной политики на глобальном и региональном уровнях), И. Л. Волк (роль

культурной политики в процессах культурогенеза), С. Б. Синецкого (ориентиры культурной политики XXI века), О. Н. Шлыковой (информационно-культурный аспект).

Тем не менее, осуществленный анализ литературы, несмотря на многообразие подходов, аргументированность и фундаментальность результатов исследований, предпринятых авторами в рамках обоснования «информационной парадигмы», позволяет, на наш взгляд, говорить о сохраняющемся дефиците теоретической ревизии культуры информационного общества или Цифровой эпохи – ее характерных черт, конфигурации и гуманистического потенциала.

Проблемное поле данного диссертационного исследования связывается со следующими ключевыми противоречиями:

- между декларируемым статусом концепции информационного общества как актуального диагноза современной культуры и наличием реальных антиномий, ставящих под сомнение состоятельность данной концепции;

- между необходимостью концентрации исследовательского внимания на философско-культурологическом осмыслении смыслового ядра данной концепции (гуманистического потенциала) и технократичностью (экономикоцентризмом) существующих подходов трактовки информационного общества;

- между необходимостью обоснования атрибутивных черт и сигнатур культуры Цифровой эпохи XXI века, формирующихся внутри нее суперсубкультур и отсутствием исследовательских моделей, устанавливающих фундирующие черты культуры Цифровой эпохи как *системы* (а не отдельных феноменальных проявлений социокультурных процессов общественной трансформации).

Цель исследования: на основании теоретико-методологической ревизии проекта информационного общества, построить концептуальную модель (характерные черты, конфигурации, гуманистический потенциал, утопические компоненты) культуры Цифровой эпохи и осуществить актуальную социокультурную диагностику сценариев глобализационных процессов и трендов развития квази-«информационных обществ» XXI века.

Поставленная цель достигается путем решения следующих взаимосвязанных **задач**:

1. Исследовать историческую эволюцию утопических проектов с целью установить универсально- и специфически исторические черты утопий;

2. Выявить культурные концепции-предтечи проекта информационного общества и определить их утопический и гуманистический потенциал;

3. Проанализировать историческое развитие информационного общества от социокультурного прогноза к научному анализу развивающихся общественных и культурных феноменов;

4. Определить задачи и механизмы социальной и политической утилизации проекта информационного общества в начале XXI в.;

5. Выявить социокультурные черты информационного общества, определяемые классиками информационной концепции (прогностический компонент)

6. Установить социокультурные и иные черты информационного общества, определяемые современными учеными (диагностический компонент);

7. Разработать идеальный тип информационного общества как социокультурного проекта и осуществить системную критическую ревизию концепции;

8. Провести атрибуцию квази-«информационных обществ» как состоявшейся социокультуры;

9. Проанализировать фундирующие черты, лежащие в основании концептуальной модели культуры Цифровой эпохи;

10. Определить основные сценарии глобализационных процессов, протекающих в культуре в Цифровую эпоху;

11. Разработать модель конфигурирования культуры в Цифровую эпоху в отношении обще- и субкультурных компонентов;

12. Установить характер интенций к архаизации или актуализации в культуре Цифровой эпохи;

13. Выделить и систематизировать тренды развития культуры Цифровой эпохи, проявившиеся к настоящему времени в квази-«информационных обществах».

Объектом исследования выступает культура Цифровой эпохи.

Предметное поле исследования: концептуальные основания зарождения и функционирования культуры Цифровой эпохи, оценки и прогнозы трендов развития квази-«информационных» обществ XXI века.

Научная новизна исследования.

Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну:

1. Введено понятие ур-утопии как наивной формы мышления и эпистемологического инструмента социального познания; представлена типология конкретно-исторических форм опредмеченной в культурных артефактах утопии в контексте развития различных исторических форм мировоззрения. На основании исторического анализа (и в перспективе результатов исследования, касающихся изучения «информационного общества» как постсциентистской утопии) выделены утопические универсалии, исходя из анализа которых, предложено видовое разделение утопий на слабые презентистские (или наивные) и сильные радикальные.

2. Определена интегральная картина сильной (радикальной) сциентистской утопии; выделены черты и инструменты формирования и функциональной поддержки существования сильной сциентистской утопии.

3. Диссертант впервые связывает возникновение, развитие и занятие концепцией «информационного общества» доминирующих позиций в социально-научном знании не столько с ее аргументированностью и высокой прогностической ценностью, сколько с конкретными историческими и социальными обстоятельствами, в силу чего концепция приобретает конвенциональный и синкретический характер. К числу таких обстоятельств отнесены: 1. вторая научно-техническая революция; 2. складывание двух центров западной цивилизации (США и Европа) и формирование прозападного восточного цивилизационного куста (Япония и так называемые «азиатские тигры»); 3. необходимость разработки футурологического проекта консолидации западного общества; 4. продолжение «холодной войны» и необходимость интеллектуальной отстройки западного футурологического проекта от советского.

4. Впервые была проведена критическая фактологическая экспертиза и теоретико-методологическая ревизия концепции информационного общества в нескольких основных ее ипостасях: научный прогноз, социальный миф, политическая доктрина, утопический проект, что позволило:

- выявить конвенциональный и синкретический характер как концептуального, так и субстанционального статуса информационного общества;

- установить неопределенный темпоральный статус информационного общества как реальной социокультуры, в том числе – на основании апелляции исследователей к одним и тем же атрибутам и сигнатурам информационного общества;

- выявить доминирующий технократический и экономический характер научных исследований, начиная с зарождения концепции, завершая современными, в том числе – политически ангажированными или конъюнктурными. Одновременно был выявлен малопроявленный в крупнейших публикациях гуманитарный аспект и *позитивный* утопически-проективный потенциал концепции.

5. Диссертант впервые выявляет реально существующие антиномии проектных идей и реализованного потенциала так называемого «информационного общества»: 1) антиномия дезинформации; 2) антиномия падения информационной грамотности; 3) антиномия информационной перегрузки; 4) антиномия информационной роскоши.

6. Предложен новый подход к определению концептуального статуса информационного общества и определения его реального статуса в историческом времени развития человечества:

7. Предложена модель культуры квази-«информационных обществ» Цифровой эпохи. Исходя из атрибутивно-сигнатурного портрета современных обществ установлены фундирующие черты культуры Цифровой эпохи как *системы*, а не отдельных феноменальных проявлений социокультурных процессов общественной трансформации. Исходя из определенной прогнозно-проектной дихотомии и расхождения между проектно-заданным идеальным типом и реальными вариациями квази-«информационных обществ», установлены полярные черты культуры Цифровой эпохи.

8. Выделены четыре теоретических модели глобализации культуры: унификация, универсализация, интеграция и конвергенция, которые позволяют перевести дискурс глобальных исследований из плоскости алармистской риторики в плоскость объективного научного исследования, конкретных сценариев, протекающих на основе различного сочетания впервые выделенных теоретических моделей.

9. В работе впервые предложена модель конфигурирования современной культуры, исходя из концепта «отсутствующего мейнстрима», что позволяет изменить подходы к определению и анализу субкультур в современных условиях. Автор выделяет три суперсубкультуры Цифровой эпохи, обладающие значительно различающимися системами ценностей.

10. Доказано, что несмотря на обнаруживаемые противоречия, квази-«информационные общества» имманентно содержат гуманистический потенциал развития и, что процессы и феномены, обнаруживающие этот потенциал, имеют спонтанный характер, а не являются следствием реализации глобальных политических манифестов информационного общества.

Теоретическая и практическая значимость работы.

В работе представлено новое направление культурологических и социальных исследований – выделение атрибутов и сигнатур социокультур и конкретных обществ. Ретроспективная значимость предлагаемого подхода заключается в открывающейся возможности пересмотра взглядов на сущность и типологические черты некоторых видов обществ, характерные черты конкретных сообществ, когда-либо существовавших в истории человечества. Данный подход применим для ретроспекции критериального анализа таких концепций, как индустриальное общество, капиталистическое общество, традиционное общество и т.д. Перспективно данный подход имеет ценность для социокультурного прогнозирования и диагностической оценки общества XXI в., которое продолжает свое развитие, а концепция ускорения исторического времени предполагает, что новые социокультурные типы будут появляться в течение этого столетия гораздо быстрее, нежели ранее.

Анализ атрибутов и сигнатур, выявленные антиномии квази-«информационных обществ» и полярные тренды развития культуры Цифровой эпохи, определенный в рамках работы технократизм и экономикоцентризм политического и научного дискурса информационного общества позволяют скорректировать программы государственного развития соответствующих институций, предпринимаемые меры по смягчению кризисных гуманитарных последствий развития квази-«информационных обществ» в сторону их общей гуманизации. Этому же способствуют выявленные гуманистические тренды информатизации, практическая полезность которых была бы, вероятно, выше, при целенаправленной внешней поддержке со стороны государства, общественных организаций, бизнес-структур, отдельных благотворителей, чей финансовый и влиятельный потенциал в современном мире зачастую сопоставим с первыми тремя видами акторов.

Предложенное описание культуры Цифровой эпохи и концептуальная модель ее конфигурации может стать основой для разработки программ культурной и молодежной политики, социальных, образовательных и иных государственных политических программ.

Определенные в диссертационном исследовании полярные тренды развития культуры (имеющие гуманистический и антигуманистический векторы) могут быть положены в основу диагностических критериев для осуществления мониторинга культурного состояния общества и, таким образом, служить оперативному реагированию на социокультурные риски и угрозы, обеспечению национальной безопасности в сфере культуры.

Материалы диссертации и сопутствующих публикаций, в которых раскрываются ее основные положения, могут быть использованы для научного и научно-методического обеспечения образовательного процесса в высших учебных заведениях в рамках основных курсов по культурологии, социологии, социальной философии, теории и истории культуры и специальных курсов по современной культуре, основам культурной политики, культурному прогнозированию и проектированию, расширив и дополнив их содержание в части рассмотрения перспектив предмета изучения, формирования образов и сценариев будущего развития культуры и общества, социокультурной диагностики и аналитики трендов развития культуры Цифровой эпохи, ее включенности в общую историческую логику развития культуры.

Методология и методы исследования определяются междисциплинарным подходом, который был выбран диссертантом в силу многофакторности объекта и предметной области исследования.

Прежде всего, исследование Цифровой эпохи стало возможным при сопоставительном анализе и учете концептуальных достижений различных подходов к определению культуры.

Гуманистический или *этический подход* воспринимает культуру как способ и меру «производства человека», не раскрывая, однако, механизмов этого производства и недостаточно полно освещая проблематику материальной культуры или культурной организации.

Аксиологический подход или – в более широком смысле – духовно-смысловой подход исходит из понимания культуры как системы норм и ценностей, знаний, эмоций и волевых побуждений человека.

Деятельностный подход основывается на понимании культуры системы организации и развития человеческой деятельности. Расширяя его *антропо-атрибутивный подход* определяет культуру уже как всю совокупность *небиологических* проявлений человека.

Параллельно с этим *энвайроменталистский подход* исходит из различных вариантов понимания культуры как создаваемых человеком искусственной среды или интерактивного топоса и инструментов для отслеживания параметров и контроля естественной среды, в которой он пребывает.

Функциональный подход интегрирует антропо-атрибутивный, энвайроменталистский и аксиологический подходы, определяя культуру как способ выживания и воспроизводства социального человека в истории, а смысл истории – в динамике накопленного социального опыта выживания и воспроизводства, т.е. в культуре.

Информационный подход обычно связывают с именем российского культуролога Ю.М. Лотмана, который определил культуру как «совокупность ненаследственной информации», таким образом, образуя смысловую связь с антропо-атрибутивным подходом.

Программный подход в свою очередь синтезирует функциональный и информационный подходы, определяя культуру как надбиологическую *программу* (или матрицу) *человеческой деятельности*, которая обеспечивает «воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» и образует, таким образом в своей совокупности социальный опыт, фиксирует ценности, нормы и смыслы человеческой жизни, в том числе – в опредмеченной форме.

Исходя из критерия полноты, в диссертационном исследовании использовалось определение культуры, даваемое в совокупности работ программного подхода.

В основу диссертационного исследования были положены методологические принципы:

- *объективности*, обязывающий исследователя рассматривать дискурс современной культуры в целом, независимо от желаний, стремлений, установок и пристрастий субъекта и реализованный автором в использовании достоверных исторических фактов, результатов актуальных научных исследований, опубликованных в авторитетных изданиях;

- *системности* в раскрытии целостности исследуемого объекта как системы и создании единой картины в оценке явлений и процессов (в их взаимосвязи, противоречивости и развитии);
- *контекстуальности* анализа исследуемого объекта в его окружении, связанности с более широким кругом феноменов;
- *историзма* рассмотрения любого явления в ретроспективе его исторического развития;
- *принцип диалектического единства исторических, социологических и логических методов исследования.*

Для достижения цели и решения задач, поставленных в исследовании, диссертант опирался на *описательный* и *сопоставительный* методы. *Эволюционный* метод (развивающийся в рамках культурологии с периода самого зарождения и становления культурологии как научной дисциплины и связанный с именами Э. Тайлора и Л. Леви-Брюля), предполагал рассмотрение культурной динамики как последовательной цепи непрерывных и связанных, последовательно-обусловленных и объективных изменений, учитывая, однако, возможные резкие скачки в ее развитии. Эволюционный метод было целесообразно использовать в сочетании с таким специфическим историческим методом исследования, как *хронологический*.

При помощи *компаративистского метода* был проведен *сравнительно-исторический*, *историко-генетический* и *историко-ретроспективный* анализ материалов научного и идеологического дискурса информационного общества в различные периоды эволюции информационно-социальной концепции.

Историко-культурные методы исследования стали базой в изучении и разработке проблемы различных культурных концепций и утопических проектов как являющихся концептуальными предшественниками, так и производными информационного общества.

Культурно-прогностические методы построения сценариев, *концептуального и гипотетического моделирования*, *мысленного эксперимента* позволили решить ряд частных проблем диссертационной работы.

Для исследования квази-«информационных обществ» как вариантов социокультуры и системы культуры Цифровой эпохи мы обращались к *функциональному* и *системному* методам исследования.

Для анализа социокультурных практик использовались *методы тренд-анализа* (в частности для реконструирования социокультурных практик современности был адаптирован к условиям глобальной цифровой коммуникации «метод первых полос»); культурной диагностики и элементы культурного прогнозирования. При решении задачи моделирования конфигурации культуры Цифровой эпохи использовались методы экспертного и массового социологических опросов. В изучении

противоречий квази-«информационных обществ» использовались метод экспертного опроса и фокусированного интервью. Исследование атрибутов и сигнатур информационного общества (сущностных и феноменальных черт) основывалось на методологии гипотетического моделирования идеальных типов, предложенной М. Вебером, которая также нашла свое частичное отражение в исследовании маргинальных идеологий, проведенном У. Эко.

Эмпирическая база исследования определялась отдельно для решения каждой частной задачи. Так, для анализа проблемы медиаграмотности, исследования частных аспектов статуса образования и общекультурной эрудиции в гипотетическом информационном обществе использовались методы интерпретации семиотически-осложненных (креолизованных) текстов, которые в настоящий момент только дискутируются в отечественной и зарубежной науке.

В анализе антиномий квази-«информационных обществ» использовались результаты экспертного опроса (проведенного в 2014 г. в виде серии фокусированных интервью), в котором приняли участие ведущие специалисты российской IT- и видеоигровой индустрии, редакторы журналов и крупных интернет-порталов, посвященных IT, массовой и популярной культуре, видеоиграм, специалисты в области информационного обеспечения, связей с общественностью, рекламы и интернет-маркетинга, специалисты по информационному обеспечению научной деятельности – всего свыше 20 человек.

Для выявления атрибутов и сигнатур квази-«информационных обществ», в анализе культуры повседневности Цифровой эпохи, определении гуманистических трендов развития современной культуры и ее сильного утопического потенциала использовались новостные материалы, полученные по адаптированному «методу первых полос» за период с 2011 по 2017 гг., в течение которых автор ежедневно отслеживал публикации на интернет-порталах крупнейших российских и зарубежных СМИ: РИА «Новости», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Ведомости», «РосБизнесКонсалтинг», «Business FM», Lenta.ru, Gazeta.ru, «The Guardian», «Time», «Washington post», «Forbes», «Bloomberg», «Financial Times».

В исследовании конфигурации культуры Цифровой эпохи, применялись методы социологического исследования: экспертный и массовый опросы.

Положения, выносимые на защиту.

1. В своем развитии концепция информационного общества проходит несколько важных этапов:

1) формирование общего идейного поля на основе достижений и критики социального устройства индустриального общества (в том виде, в каком оно сформировалось к 1930-м гг.). Работы-предтечи

характеризуются глубоким внутренним гуманизмом, поиском путей решения проблем, вызванных технизацией общества, превращения его из техногенерирующего в техногенное.

2) этап формирования самой концепции информационного общества (конец 1960-х – 1970-е гг.), содержание которого определялось обстоятельствами Холодной войны между СССР и США.

3) этап острой конкуренции альтернативных концепций, который характеризуется утратой четкого авторства синкретической концепции, догматизацией основных положений раннего этапа развития концепции информационного общества, попытками утверждения за ней методологического статуса теории или даже парадигмы.

4) этап политической утилизации (конец 1990-х – начало 2000-х гг.): принятие государственных программ развития глобального информационного общества.

5) этап повторной конъюнктурной научной разработки (середина 2000-х – настоящее время), содержание которого составила разработка частных аспектов и вопросов социальной, экономической, технической, образовательной политик в информационном обществе.

2. Концепция информационного общества даже в научной интерпретации является основанием для формирования идеологической системы, конгруэнтной умеренному политическому и экономическому либерализму, и в этом смысле она консервативна (т.е. направлена на сохранение уже сложившихся политических и экономических практик, иерархии субъектов международных отношений). Хотя научная концепция информационного общества была проективна или прогнозна, но сформировавшаяся транснациональная идеология реактивна – направлена не столько на конструирование новой социальной реальности, сколько на реагирование на возникающие для структуры глобального капитализма риски и угрозы и предупреждение возможного демонтажа этой системы.

3. Опровергается определение современности как информационного общества (как по практическим, так и теоретическим основаниям). Практическими основаниями критики концепции информационного общества выступают обнаруженные антиномии (реально-существующие противоречия, а не умозрительные парадоксы): антиномия опережающего развития технологий пропаганды, дезинформации и информационной манипуляции; антиномия информационной перегрузки и связанная с ней антиномия информационного шума и замусоривания информационного пространства; антиномия падения информационной и медиаграмотности; антиномия роста числа и качества цифровых барьеров; антиномия информационных продуктов как товара-роскоши.

Теоретические основания ревизии концепции информационного общества обнаруживаются в результате построения координатной модели для характеристики общества на внеисторических универсальных началах.

Целесообразно использовать для решения этой задачи несколько континуальных измерений сфер жизни общества (спектров), задаваемых идеальными крайними состояниями:

1) Политическое измерение: всеобщее участие в принятии решений – тотальный контроль властью граждан.

2) Экономическое измерение: освобождение человека от труда для реализации его творческого креативного потенциала – экономика симулякров.

3) Социальное измерение: свободное общество автономных индивидов, самостоятельно конструирующих собственную идентичность – атомизированное общество, разделенное множеством табуированных социальных барьеров

4) Культурное измерение: Производство и свободное распространение реальных культурных благ – Коммерческие проприетарные культурные индустрии производства и навязывания фиктивных культурных благ

5) Система производства и распространения знаний: общества рационального критического знания, основанные на идее несопоставимости различных эпистемологических традиций – общества доминирования одной эпистемологической традиции и сакрализации производимого ей знания. Представленная система измерений позволяет сформулировать проективные принципы идеального типа информационного общества:

1) Построение общества открытого рационального знания, не дискриминирующего иные эпистемологические практики.

2) Свобода распространения информации и стремление к снятию любых правовых, финансовых, лингвистических или даже политических барьеров в этой сфере; построение свободного и глобального пространства коммуникации;

3) Свободный доступ к культурному контенту и изменение всех коммерческих практик в этой сфере;

4) Всеобщее ответственное и прямое участие людей в принятии любых, затрагивающих их политических решений;

5) Снятие социальных барьеров и расширение возможностей для социальной кооперации и до-политического (социального) решения актуальных проблем;

6) Построение экономики реального производства и максимально осуществимое освобождение людей от труда; вероятно, некапиталистический характер системы распределения производимых благ;

4. Исходя из критической ревизии концепции были выявлены и кратко сформулированы атрибуты внеисторического идеального типа информационного общества:

Коммуникационная сфера: коммуникативно-технологическая революция и наследующее ей формирование информационного пространства прозрачных коммуникаций, на основе существующего уровня развития технологий;

Экономическая сфера: формирование системы производства и распределения экономических благ, максимально обеспечивающих социальные потребности;

Социальная сфера: формирование креативного интеллектуального класса экспертов, интеллектуально обеспечивающих всеобщее принятие и исполнение социальных, экономических и политических решений;

Технологическая сфера: социальная, культурная и производственная потребность в реальных технологических инновациях.

Культурная сфера: открытый характер культуры и свободный доступ к культурным ценностям, культурное многообразие, основанное на внутренних и внешних источниках (субкультурах отдельных социальных групп и обогащающих межкультурных заимствованиях)

5. Современность целесообразно охарактеризовать как Цифровую эпоху, в силу изменения технологического уклада во второй половине XX – начале XXI вв. В настоящее время не существует обществ, отвечающих принципам идеального информационного общества и выделенным атрибутам этого гипотетического социального типа. Поэтому общества Цифровой эпохи, фундированные ИКТ, относятся к категории quasi информационных обществ, отличающихся следующим набором атрибутов:

- 1) Превращение общества из техногенерирующего в техногенное на основе микротехнологического уклада
- 2) Формирование Глобального информационного пространства и уникальной социокультурной ситуации непосредственной глобальной коммуникации
- 3) Глобальный суперкапиталистический характер экономики, основанной на инновационной эскалации (транснациональные корпорации становятся по уровню капитализации субъектами, сопоставимыми с крупными государствами);
- 4) Технократизм элит и профессионализация манипулятивных политических практик
- 5) Рекуперативная трансформация культуры в конsumerную массовую культурную индустрию

6. Культура Цифровой эпохи представляет собой рекуперированную высоко коммерциализированную систему профессиональных индустрий.

Ее отличают атрибутивные черты:

A1. Исчезновение четко определенного смыслового ядра культуры и определяемого им мейнстрима;

A2. Глобальный характер современной культуры, сформировавшейся по сценариям универсализации и конвергенции, что определяет инновационный динамизм;

A3: Реактуализация архаических культурных феноменов и практик, вызванных виртуализацией социокультурной среды глобальных коммуникаций и связанными с этими процессами;

К числу сигнатур культуры Цифровой эпохи мы относим:

S3. Рекуперативный потенциал и механизмы коммерческой утилизации маргинальных и революционных культурных концепций, и феноменов

S4. Трансгенность различных видов искусства и художественного творчества;

S5. Визуальный характер, фигуративность;

S6. Отдельной сигнатурой выступает отсутствие специального времени для восприятия культуры, фрагментарность культурного потребления;

S7. Парная полярность феноменов и культурных трендов;

S8. Квантифицированность и высокая степень меметизации vs неоконченность и принципиальная открытость для продолжения, гипертекстуальность;

S9. Конвергенция и коадаптация vs радиация коммуникационных средств;

S10. Коммуникационная конфликтность и Replique-характер коммуникации vs толерантность, мультикультурализм, диверсификация и репрезентативность;

S11. Многопоточность vs высокий потенциал культурной инвазии.

7. Глобальность является главной отличительной чертой современного типа quasi информационных обществ от его исторических аналогов, возникавших в другие периоды. Глобализация теоретически может протекать по четырем сценариям: унификации, универсализации, конвергенции, интеграции. В современном глобальном культурном пространстве реализуются все четыре сценария, однако, вероятно, самой слабой векторной величиной является унификация, а самой сильной – конвергенция, определяемая общностью виртуальной социальной среды, под воздействием которой многократно ускорились процессы культурной диффузии и обмена, культурная инвазия, и происходит перестройка локальных культур.

Определенные в исследовании сценарии глобализации предполагают модель мягкого снижения многообразия традиционных культуры, что отчасти компенсируется возникновением новых культурных феноменов и их социально-групповой привязкой. Полное уничтожение традиционных культур представляется невозможным, поскольку часть из них успешно

адаптируется к цифровым коммуникациям и использует их потенциал для собственной стабилизации и даже расширения культурного влияния.

8. Конфигурация современной культуры определяется процессами глобализации и инновационной эскалации. Постепенная трансформация национальных идентичностей в трансрегиональные (цивилизационные) и глобальную приводит к формированию аморфного глобального пространства культуры, которое синкретически включает в себя самые различные конфликтующие смыслы и феномены (зачастую без осознания их конфликтности самими носителями «общечеловеческой культуры»). В этих условиях меняется характер субкультур и отношения между ними. Они выделяются не столько на смысловом «отстраивании» от смыслового ядра культурного мейнстрима, а на кристаллизации собственного ценностно-смыслового ядра. В конце XX в. происходит первая агрегация субкультур в полицентрическую структуру – объединение нескольких музыкальных субкультур (часть из которых еще не предполагала наличие именно ценностно-смыслового ядра) в суперсубкультуру неформалов.

9. В начале XXI в. формируется две главные суперсубкультуры Цифровой эпохи – гик- и глэм-культура. Значимыми критериями выделения этих суперсубкультур являются 1) базовая мотивация-объяснение характера их деятельности и репрезентации ее результатов в социокультурном пространстве; 2) сущностный характер социокультурного действия; 3) отношение к маркерам социальной успешности.

По своей базовой мотивации глэм-культура стремится к максимальной эстетизации действительности, частной аспектацией чего становится диагностируемый антропологическими методами нарциссизм ее носителей. По сущностному характеру социокультурного действия глэм-культура сориентирована на копирование модных тенденций и феноменов (креативную имитацию), на моментальность и низкую трудозатратность процесса «творчества», в репрезентации результатов основную роль играет визуальное начало, поэтому ее основными артефактами стали фотографии и короткие видеоролики. По значимости маркеров социальной успешности глэм-культура требует от своих участников максимальной социальной вовлеченности и самопрезентации, высокую значимость социальных сигналов одобрения.

Базовой мотивацией «гик-культуры» является интенция к познанию предмета своих увлечений. Эту интенцию носитель гик-культуры может проецировать как на род своей основной деятельности, так и на хобби. По сущностному характеру социокультурного действия представители гик-субкультур предпочитают пролонгированный процесс создания продукта, глубокую проработку его связей с фокусом своих увлечений, текстовые или мультимедийные продукты, подчас требующие приобретения специальных знаний. Гик-культура отрицает значимость социальных

связей вне пределов фокуса конкретных интересов своих участников. В остальных случаях коммуникация затруднена даже при наличии обоюдного интереса между коммуникантами, относящимся к разным субкультурным суперструктурам в силу глубокого (почти академического) уровня знаний о предмете своих интересов и его специфичности.

Суперсубкультуры интернациональны по своей природе. Возможно, именно на их основе сформируются новые глобальные идентичности, взамен устаревших и слабофункциональных глобальных идентичностей прошлых эпох – классовых, религиозных, цивилизационных, национальных.

10. Несмотря на очевидные противоречия и проблемы, антиномии спонтанного развития и социальной утилизации ИКТ, уже quasi информационное общество обладает определенным гуманистическим потенциалом, что ярко выражается в проявившихся в начале XXI в. трендах развития. К числу таких трендов отнесены: качественное повышение уровня кооперации и самоорганизации человеческих сообществ; увеличение роли добровольчества, волонтерства и коллективных действий; качественное изменение моделей монетизации интеллектуальной собственности и исключительных прав автора; переход к посткапиталистическим логикам обмена, например, цифровой дарономике; повышение контроля гражданского общества за политической сферой; информационная проницаемость границ; освобождение от труда; увеличение числа работников творческих и креативных индустрий, научных работников.

Эти тренды определяют возможности реализации гуманистического вектора развития глобального общества на основе практического воплощения сильного утопического потенциала радикальных концепций постсовременности, таких как викиномика, дарономика или шэринг-потребление.

Степень достоверности и апробация результатов работы, изложение ее основных положений осуществлено в 40 публикациях, в том числе в 3 монографиях (2 авторские и 1 – в соавторстве) общим объемом 59,7 печатных листов (16 из них в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК МНиВО РФ).

Результаты исследования прошли обсуждение на научно-практических конференциях различного уровня: Международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI в.» (Челябинск, 2009-2017 гг.); Международная научно-практическая конференция «Информационно-коммуникационные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и проблемы использования в вузах культуры и искусств» (Челябинск, 2010, 2012); Международная научная конференция «Қазақстанның қазіргі полимәдениеттіл кеңістігіндегі білім берудің инновациялық теориялары

мен технологиялары» (Астана, 2010); Международная научная конференция «Высшее образование для XXI века» (Москва, 2010); Международная молодежная научная конференция «Цивилизационная идентичность в эпоху глобализации»: (Минск, 2011); Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение электронной информации в России» (Москва, 2013); Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития образования и культур в общеевропейском контексте» (Челябинск, 2013); Международная научная конференция «Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества» (Санкт-Петербург, 2014); Международная научная конференция в рамках Интеллектуального форума «Чтение на Евразийском перекрестке» (Челябинск, 2014, 2017); Международная научная конференция «Ўрта махсус ва олий таълим тизимида фаолият кўрсатаётган педагог кадрларнинг касбий компетентлигини такомиллаштириш»: (Бухара, 2015); Всероссийская (с международным участием) междисциплинарная научная конференция «Утопические проекты в истории культуры (Ростов-на-Дону, 2017), Всероссийская с международным участием научная конференция «Лики культуры в эпоху социальных перемен»: (Екатеринбург, 2018).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: преподавании (чтении лекций, проведении семинаров и практических занятий) по дисциплинам «Культурология», «Актуальная культура», «Массовая культура», «Визуальная культура», «История культуры», «Теория и история культуры», «Основы государственной культурной политики», «Социология», «Социальное прогнозирование и проектирование», «Медиа технологии», «Информационные и телекоммуникационные технологии в связях с общественностью», «Традиции и новации в культуре», «Глобальные проблемы современной культуры», «История культуры».

Материалы диссертации использовались в проведении публичных научно-популярных лекций на таких площадках как «Санкт-Петербургский государственный технологический университет», «Южный Федеральный университет», конвент разработчиков настольных игр «Граникон», «Централизованная библиотечная система г. Челябинска» (Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина, «Челябинский государственный институт культуры»), проекта «Библиотрансфер» (Кемеровский государственный институт культуры) и др.

Основные теоретико-прикладные аспекты диссертационного исследования были реализованы диссертантом как соисполнителем проектов рамках программы грантов Президента Российской Федерации: «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего (2018–2019 гг.); «Культура

памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности» (2020-2021 гг.).

Соответствие диссертации паспорту специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры» (культурология). Основные научные положения диссертационного исследования напрямую связаны со следующими пунктами специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры» (культурология):

- 1.2. Теоретические концепции культуры;
- 1.4. История культурологических воззрений и понятий, представлений о сущности культуры;
- 1.6. Культура и цивилизация в их историческом развитии;
- 1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм;
- 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов;
- 1.10. Принципы периодизации и основные периоды в историческом развитии культуры;
- 1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии;
- 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры;
- 1.17. Компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство);
- 1.20. Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры;
- 1.27. Прогностические функции культуры;
- 1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав (13 параграфов), заключения и списка литературы (504 наименования). Содержание работы изложено на 365 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержатся обоснование актуальности темы исследования и анализ степени ее изученности, определены объект, предмет, цели и задачи диссертации, раскрыта методологическая основа и научная новизна, выявлены теоретическая и научно-практическая значимость работы, представлены сведения об апробации результатов исследования и его структуре.

В первой главе **«Формирование и развитие концепции информационного общества в культуре XX-XXI вв.»** проанализирована историческая эволюция научных и политических взглядов на трансформации общества, вызванные возникновением, развитием и внедрением ИКТ и цифровых технологий. На этом основании выделены основные этапы развития концепции и охарактеризовано современное состояние дискурсивного поля информационного общества.

1.1. Исторические формы утопического проектирования общества в развитии культуры. В параграфе диссертантом предпринят анализ феномена утопии не столько как литературного жанра, сколько как формы наивного социального мышления. Сам утопический дискурс рассматривается как важный эпистемологический инструмент, позволяющий критиковать и исследовать социальную действительность.

Автор определяет ур-утопию как внеисторическую форму мышления, реализуемую на разных этапах развития исторических форм мировоззрения в различных по форме и содержанию произведениях – конкретно-исторических формах утопии. Выделяется четыре исторических формы мировоззрения: мифомагическое, религиозное, философское и научное. В конкретно-исторических утопиях находят свое выражение *утопические универсалии*, например: опора системы управления общества на кодифицированное и систематизированное научное знание; монополизация власти социальной группой ученых и/или высокообразованных индивидов; освобождение граждан утопии от физического, рутинного труда, имеющего низкую социальную престижность; экономический профицит и процветание как основа удовлетворения базовых потребностей граждан утопии; жесткие рамки социальной стратификации. В общем ряду ур-утопий концепция информационного общества предстает частной разновидностью научной формы утопии.

Анализируя содержание классических и современных утопий и утопических проектов, диссертант приходит к выводу о том, что они строятся на двух диаметрально противоположных основаниях:

1. Слабые или презентистские (наивные) утопии, создаваемая в которых социальная модель соответствует сформированным в рамках конкретной культуры представлениям о счастье и справедливости и, таким

образом, не подразумевает своего радикального отрыва от общества, в рамках которого состоялось ее «рождение».

2. Сильные или радикальные утопии: авторы таковых выстраивают социальную модель без оглядки на современность, исходя из историософских построений, идеалистических и гуманистических ориентиров. Радикальные утопии отличает мнимая наивность: автор обычно предполагает, что возможны значительные сдвиги в системе ценностей общества и принципах, на которых строится взаимодействие людей.

Под утопическим потенциалом диссертант понимает возможности некоторой социальной концепции сформировать радикальную или наивную утопии. В силу несопоставимости этих моделей нельзя оценивать их потенциал как более высокий или более низкий.

1.2. Предтечи концепции информационного общества в общественно-гуманитарных науках: гуманистический и утопический потенциал.

Аналогично утопическому дискурсу историческая эволюция концепции информационного общества начинается ранее, нежели рождается сам термин *информационное общество*.

Наиболее заметным идейным влиянием на развитие социальной мысли в контексте информационной концепции оказали пять сильных или радикальных утопических проектов, генетически связанных с научным мировоззрением:

- 1) Коммунистическая утопия К. Маркса
- 2) Ноосферная утопия, которая предлагается в работах В. И. Вернадского, П. Т. де Шардена и К. Леруа;
- 3) Технотопия Ж. Эллюля;
- 4) Сциентистские проекты «нормального общества», к которым диссертант относит концепции «Открытого общества» К. Р. Поппера и «Свободного общества» П. К. Фейерабенда;
- 5) Гуманистический проект «Здорового общества», представленный в работах поздних представителей Франкфуртской школы.

Гуманистическая программа ноосферного проекта основана на идеях формирования общечеловеческой идентичности, отказа от методов насильственной искусственной перестройки человеческой среды обитания и замещающей это гармонизации природного и человеческого «миров», всеобщего обеспечения потребностей человека на основании «сверхтехнологии».

Программа построения технотопии Ж. Эллюля основана на научно-технической кооперации, экономическом альтруизме, партисипативной демократии, радикализации НТР и освобождения человека от труда.

Родственные программы нормального и свободного общества, данные в работах К.Р. Поппера и П.К. Фейерабенда основаны на идеях

свободного проектирования норм человеческого общежития и культурных норм; равного права и доступа всех традиций к институтам управления; отказа от экспертократии в пользу эгалитарных принципов обсуждения общественных проблем; релятивизма и признания множественности способов организации жизни.

Концепция «здорового общества» Э. Фромма также стала реакцией на формирование тоталитарных режимов, тотальной идеологизации всех обществ планеты и механизмирующего воздействия на человека индустриального технического и социального уклада.

Проанализированные концепции, с одной стороны, опираются на утопические универсалии, с другой стороны, являются *сильными утопиями*, поскольку требуют «когнитивного скачка» – радикального изменения представлений о системе ценностей, возможных формах человеческой организации и кооперации и т.д.

1.3. Возникновение и развитие концепции информационного общества в XX – начале XXI в.

В своем развитии концепция информационного общества прошла несколько этапов: 1). Зарождение: конец 1960-х – начало 1970-х гг. 2). Период острой конкуренции между отдельными концептуальными моделями современности: вторая половина 1970-х – 1980-е гг. 3). Формирование информационной доминанты: 1990-е гг. 4) Политическое признание (утилизация): 2000-е гг.

Анализ дискурса информационного общества позволяет обнаружить ситуацию одновременно концептуального и содержательного единства при использовании различных терминов и собственно терминологической дисперсии – употребления значительного числа терминов для идентификации единого социального типа с минимальной аспектной акцентуацией.

В параграфе выявляются конкретные исторические обстоятельства и социально-политические, культурные, идейные и иные факторы, определившие содержательные конвенциональность и синкретизм и методологическую неопределенность информационного общества:

1. Вторая научно-техническая революция;
2. Складывание двух центров западной цивилизации (США и Европа) и формирование прозападного восточного цивилизационного куста (Япония и так называемые «азиатские тигры»);
3. Необходимость разработки футурологического проекта консолидации западного общества
4. Продолжение «холодной войны» и необходимость интеллектуальной отстройки западного футурологического проекта от советского.

Таким образом, концепция информационного общества по своему идейному содержанию стала альтернативой леворадикальным

концепциям-предтечам и сформировала дискурс презентистской слабой (наивной) утопии современного мира, пережившего информационно-цифровую технологическую трансформацию.

1.4. Политическая и социальная утилизация «Информационного общества» в начале XXI в. В конце XX и начале XXI в. в концепции информационного общества усиливается идеологический компонент, что было связано с «официальным» (на уровне международных политических структур и внутригосударственной бюрократии) признанием ее значения, включением ее положений в программы развития многих государств и пр. (разумеется, в «отредактированном» виде).

Манифестация информационного общества закреплена в глобальном политическом пространстве через посредство целого ряда документов: Окинавской хартии, Женевской и Тунисской программ, Программы ООН по преодолению цифрового неравенства и пр.

Анализируя транснациональную манифестацию постиндустриального информационного общества, диссертант приходит к следующим выводам:

– официальная идеология отстает от реалий развития общества на 15–25 лет, она *реактивна*, в то время как революционные идеологические практики *проективны* – они создают действительные, а не мнимые феномены социальной жизни, профессиональной деятельности;

– официальная идеология проекта «информационное общество» умеренно-консервативна и признанный план действий по строительству информационного общества направлен на презервацию от изменений в иерархии субъектов международных отношений при декларировании преодоления барьеров между наиболее развитыми и отстающими странами;

– транснациональная идеологическая программа информационного общества основывается на видении рыночных отношений (отношений эквивалентного обмена) как единственно возможного экономического основания дальнейшего развития;

В текстах документов наблюдается акцентирование роли частного капитала и государств, в то же время мало внимания уделено институтам гражданского общества, культурным программам, индивидуальным инициативам и т.д.

Во второй главе «**Прогностическая модель и социокультурный диагноз Цифровой Эпохи**» автор рассматривает представления о характере информационного общества, сложившиеся во второй половине XX – начале XXI вв., обосновывает необходимость теоретической и практической ревизии этой концепции и определяет основные черты идеального типа и современной вариации информационного общества на основе разработанного атрибутивно-сигнумативного подхода.

В параграфе 2.1. «Прогностические модели информационного общества второй половины XX в.» определяются основы методологического подхода к анализу социальных типов.

Базовым методологическим основанием анализа синкретической постиндустриально-информационной концепции является выделение двух видов признаков и специфических черт «информационного общества»: 1. Атрибутивные (сущностно необходимые и причинные); 2. Сигнатурные (феноменальные).

Начальный период становления концепции PIS зафиксирован в монографии 1973 г. «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования» Д. Белла, где указываются следующие признаки²: 1) в экономическом секторе: переход от производства товаров к производству услуг; 2) в структуре занятости: доминирование профессионального и технического класса; 3) осевой принцип общества: центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики; 4) будущая ориентация: особая роль технологии и технологических оценок; 5) принятие решений: создание новой «интеллектуальной технологии».

В «Третьей волне», соотносимой с периодом острой концептуальной конкуренции, Э. Тоффлер подробно разрабатывает перспективные характеристики будущего общества, выводимые на основании реалий 1970-х гг.: 1) технологической базой Третьей волны является интеграция интеллектуально-коммуникационных технологий, использования новых материалов и результатов геной инженерии на основе диверсифицированной энергетической базы; 2) суперкапиталистическая система производства и распределения общественных благ; 3) изменения в системе массовых коммуникаций и формирование инфосферы; 4) диверсификация форм социобиологической агрегации; 5) кризис нации-государства; 6) статус информации как главного ресурса; 7) дерутинизация труда

В работе М. Кастельса «Информационная эпоха» в качестве референтного социологического концепта для описания современности предлагается *информациональный капитализм*, который отличается следующими признаками: 1) сохранение сущностных черт экономической системы, основанной на достижениях индустриального капитализма. 2) глобальный характер общества; 3) новая технологическая парадигма, которая определяется развитием компьютерных, коммуникационных и биотехнологий; 3) сырьем для новой технологии является информация; 4) новые технологии обладают всеохватным эффектом и все процессы

² На промежутке времени между опубликованием статьи и монографии благодаря Й. Масуде начнет использоваться термин «информационное общество» и Белл уже в 1973 г. делает важные оговорки на счет фактической атрибутивной конгруэнтности концептов постиндустриального и информационного обществ.

социального бытия непосредственно формируются новыми технологиями, «поскольку информация есть интегральная часть всякой человеческой деятельности»; 5) «сетевая логика» любой системы или совокупности отношений, использующих информационные технологии; 6) информационно-технологическая парадигма основана на *гибкости*: процессы обратимы, организации и институты можно модифицировать и фундаментально изменять; 7) интеграция или конвергенция конкретных технологий в общую систему; 8) производственные отношения сохраняют капиталистический характер, но приобретают довольно сложно описываемую специфику, определяемую информациональным характером нового капитализма. 9) отношения власти трансформируются и ключевое их изменение связано «с кризисом национального государства как суверенной единицы и сопровождающего его кризиса той формы политической демократии, что создавалась в течение последних двух веков».

Во втором параграфе «**Осмысление транзитивного характера общества в начале XXI в.**» представлен анализ работ современных российских исследователей. На основании анализа публикаций было выявлено 42 признака информационного общества, сгруппированные в 8 тематических блоков: техника и технологии, коммуникации, статус и свойства информации, экономика, сферу образования и научно-исследовательской деятельности, политика, социальные отношения и повседневная жизнь, сфера культуры и искусства.

1. Техника и технологии

1.1. Происходит информационно-коммуникационная технологическая революция.

1.2. Постоянное внедрение инноваций.

1.3. Приоритет в развитии технических проектов.

1.4. Центром технической инфраструктуры становятся коммуникационные сети.

2. Коммуникации

2.5. Конвергенция телевизионных и компьютерных технологий.

2.6. Снята проблема сохранения и передачи больших массивов информации.

2.7. Формируется единое информационное пространство (GIS, инфосфера), «ядром» которого становится информационная супермагистраль – Интернет, отменяющая пространственные и временные ограничения традиционных средств коммуникации.

2.8. На смену модели массовой трансляционной коммуникации приходит модель сетевой коммуникации.

3. Статус и свойства информации в условиях современности

3.9. Информация воспринимается стратегическим ресурсом и приобретает центральное место во всех сферах общественной жизни.

3.10. Возникновение нового информационного мировоззрения.

3.11. Информация отождествляется со знанием.

3.12. Владение эксклюзивной и практически полезной информацией определяет социальный статус человека.

3.13. Виртуализация и информатизация приобретает тотальный характер.

3.14. Информация в современной ситуации является «ресурсом», который не может быть исчерпан, тиражирование и передача ее сопряжены с минимальными затратами, она обладает качествами ресурсосбережения и экономичности, экологической чистоты, практически неограниченной долгосрочностью хранения.

3.15. Информация как ресурс является фундаментом фактором ИКТ, которые, в свою очередь, определяют развитие всех сфер жизни общества.

3.16. Противоречия наблюдаются между:

1) ограниченными рецепиентными и аналитическими информационными возможностями человека и возрастающим объемом информационных потоков;

2) информационным «голодом» и информационной «лавиной»;

3) доступностью информации и ограничениями (в том числе коммерческими) на доступ к ней.

3.17. Формируется новая интеллектуальная технология, которая играет центральное место в принятии решений.

4. *Экономические критерии информационного общества*

4.18. Предполагается наличие специфических секторов экономики, которые, доминируя в структуре доходов, определяют международную конкурентоспособность: а) информационный, знаниевый, научный; б) сфера услуг и «индустрия ощущений».

4.19. Информация и информационные продукты становятся предметом массового потребления, формируется особая инфраструктура информационного потребления, которое приобретает символический характер.

4.20. Научное знание и ноу-хау, представляемое как *разновидность информации*, становится одним из ведущих факторов производства, получает статус производственного *ресурса*, экономика переходит от модели дефицитного удовлетворения к модели избытка.

4.21. Предполагается ведущая экономическая роль работников информационного сектора (техно- или нетократии): а) их лидирующее финансово-экономическое положение; б) высокое значение в планировании хозяйственной деятельности; в) социальный статус и престижность подобного рода занятости.

4.22. Изменяется структура занятости:

а) доминируют представители сферы услуг и информации;

б) они обеспечивают более половины чистого прироста занятости;
в) снижается потребность в работниках первичного (аграрного) и вторичного (индустриального) секторов производства в силу их роботизации и автоматизации;

г) появляются новые формы социальной и экономической деятельности (дистанционное образование, телеработа, гражданская журналистика и т. д.).

4.23. Изменяются стандарты производства и потребления: увеличиваются возможности покупательского выбора («сверхвыбор»);

4.24. Предполагается кардинальное изменение моделей рыночного поведения субъектов экономических отношений: от гиперконкуренции до кооперации;

4.25. Отдельные субъекты получают возможность оказывать экономическое влияние, сопоставимое с деятельностью национальных экономик.

5. Сфера образования и научно-исследовательской деятельности

5.26. Повышаются требования к профессионализму работников, формируются новые потребности в информации и знаниях.

5.27. Образование определяет материальное благополучие и уровень доходов, у самих индивидов формируется *потребность* в непрерывном образовании в течение всей жизни и постоянной переподготовке.

5.28. Университет становится центральным общественным институтом и центром подготовки человеческого капитала, *интернет-репозитории* знаний обеспечивают равные образовательные возможности.

5.29 Наука превращается в определяющий фактор общественной жизни.

6. Политика

6.30. Доступ к информации становится политическим правом и конституируется законодательно.

6.31. Коллегиальная выработка решений любого уровня при участии всех заинтересованных лиц или принятие решений на основе новых интеллектуальных технологий.

6.32. Информационный потенциал определяет могущество государства, в силу чего особое значение приобретают проблемы информационной безопасности.

6.33. Расширяется процесс международной конвергенции.

7. Социальные отношения и повседневная жизнь

7.34. Самоорганизующиеся сетевые структуры приходят на смену иерархическим моделям организации.

7.35. Человечество впервые превращается в информационно-единую (глобальную) цивилизацию на основе гуманистических принципов управления обществом.

7.36. Виртуальные и реальные взаимодействия становятся равнозначными, возникают новые виды социальных взаимодействий.

7.37. Продолжающаяся фрагментация и усложнение социальной структуры, повышение степени автономии отдельных социальных групп, классовое становление «производителей знания» (техно/нетократии). Контроверза: социальная структура упрощается до оппозиции «информационная элита – средний класс».

7.38. Глобализация социальных отношений и общественных процессов.

7.39. Всеобщее использование ИКТ в практиках повседневности, повышение за счет этого качества и безопасности жизни.

8. *Культура и искусство*

8.40. Приоритет инновационности над поддержанием культурных образцов.

8.41. Расширение возможностей индивидуального творчества и самовыражения и диффузного пространства взаимодействия национальных/цивилизационных культур, гомогенизация мировой культуры.

8.42. Деконструкция традиционных моделей культуры.

Тенденция к техно- и экономикоцентристскому пониманию сущности информационного общества сохраняется, начиная с работ классиков по сию пору. Более того, поскольку концепция информационного прошла стадии политической утилизации и социализации, экономические аспекты его интерпретации только усилились.

2.3. Критическая ревизия концепции и идеальный тип информационного общества. Критическая ревизия концепции информационного общества основывается на следующих направлениях.

Методологическая критика основана на том, что термин *информационное общество* не может претендовать на эссенциалистское соответствие действительности. Любое производное от термина «информация» для обозначения современности обладает двумя несомненными недостатками: 1) неинформационных обществ не существует, поскольку элементарным социологическим фактом и основой возникновения общества как реальности является взаимодействие / коммуникация двух и более индивидов, а значит – *информационный обмен*; 2) сама категория «информация» во многом является фикцией именно как категория. Ее содержание строго определено в математике и физике, однако в общественных и гуманитарных науках отсутствует разделяемое всеми понимание.

Структурно-функциональная критика основана на идеях структурно-функционального подхода. Однако требует параллельного решения частной методологической проблемы и определенных историософских

построений, а также понимания реальных внутренних противоречий той социальной системы, которая получила неудачное название информационного общества:

Антиномия дезинформационного общества, которая заключается в том, что манипулятивные информационные практики развиваются стремительнее, чем практики добросовестного использования информации.

Антиномия информационной перегрузки связана с тем, что объемы принимаемой субъектом информации превышают сенсорные и когнитивные возможности отдельного человека.

Антиномия падения информационной грамотности определяется ростом комфортности и простоты информационной среды, что обеспечивает фиктивную информационную грамотность – возможность участия в коммуникационных процессах в глобальном информационном пространстве без понимания принципов его функционирования, рисков и угрозы возникающих в такой коммуникации.

Антиномия информационных продуктов как предмета роскоши.

Уязвимость информационной концепции современности для критики с историософских позиций, по мнению автора, определяется целым рядом позиций: 1) Неопределенный темпоральный статус информационного общества как социокультурной реальности. 2) Неопределенный сущностный статус связан с использованием в качестве синонимов таких терминов как информационное общество и информационная эра (технотронная эпоха, цифровая эпоха и т.д.).

Методологически более верно обозначать современность как *Цифровую эпоху*. При этом идеальное спроектированное общество Цифровой эпохи и будет являться информационным, реальные же социумы являются квази-«информационными обществами».

На основании анализа спектров состояний, диссертанту представляется возможным определить базовые принципы проектирования гипотетического идеального типа информационного общества Цифровой эпохи: 1) построение общества открытого рационального знания, не дискриминирующего иные эпистемологические практики; 2) свобода распространения информации и стремление к снятию любых правовых, финансовых, лингвистических или даже политических барьеров в этой сфере; построение свободного и глобального пространства коммуникации (роль которого уже сегодня, но лишь отчасти исполняется интернетом); 3) свободный доступ к культурному контенту и изменение всех коммерческих практик в этой сфере; 4) всеобщее ответственное и прямое участие людей в принятии любых, затрагивающих их политических решений на основе моделей e-democracy; 5) снятие социальных барьеров и расширение возможностей для социальной кооперации и до-политического (социального) решения актуальных проблем, которые и предоставляются созданию открытого пространства коммуникации за счет

цифровых технологий; б) построение цифровой экономики реального производства и освобождение людей от труда; вероятно, посткапиталистическая трансформация системы распределения производимых благ.

2.4. Атрибуты и сигнатуры quasi информационных обществ Цифровой эпохи. В рамках диссертационной работы предлагается следующее выделение критериев квази-«информационного общества» (далее QIS):

1. Трансформация социума из техногенерирующего в техногенный.
2. Появление новых электронных средств коммуникации.
3. Формирование Глобального информационного пространства (далее - GIS).

К числу основных атрибутивных признаков и сигнатур QIS Цифровой эпохи по различным сферам жизни (секторальные атрибуты и сигнатуры) автор относит следующие³:

1. Коммуникационный и глобализационный аспект
 - 1.1.A. Создание и внедрение средств мгновенной массовой и частной коммуникации.
 - 1.3.S. Субъективное завышение значимости информации и постулирование ее статуса как важнейшего ресурса.
 - 1.4.S. Перестройка системы задействованных каналов коммуникации: аудиовизуальная архаизация, дискриминация письменной культуры.
 - 1.5.S. Информационная перегрузка и мусорное перенасыщение киберпространства.
 - 1.6.S. Возможность сервисной и научно-технической специализации национальных экономик.
2. Научно-технический аспект
 - 2.1.a. Превращение общества из техногенерирующего в техногенное на основе микротехнологического уклада в контексте модели принятия рисков инновационной эскалации.
 - 2.2.S. Замещающее биосферу развитие техносферы.
 - 2.3.S. Падение информационной грамотности и снижение качества образования в силу фиктивного познавательного потенциала GIS и оперативного доступа к нему.
3. Экономический аспект
 - 3.1.a. Глобальный суперкапиталистический характер экономики, основанной на инновационной эскалации (транснациональные корпорации

³ Цифрами будут обозначаться группы связанных признаков, буква А-заглавное в нумерации означает отнесение данного признака к категории генерирующих атрибутов, а-малое – к числу секторальных атрибутов именно современного QIS, буква S в нумерации означает сигнатуру.

становятся по уровню капитализации субъектами, сопоставимыми с крупными государствами).

3.2.S. Образование автокаталитического цикла конкурентного внедрения инноваций.

3.3.S. Коммерциализация научно-технической и социальной информации.

3.4.S. Иррациональная модель «общества расточительства».

3.5.S. Трансформация информационных и высокотехнологических продуктов в предмет роскоши с особыми механизмами ценообразования, маркетинговыми стратегиями внедрения и закрепления на рынке и стратегиями потребления.

4. Социальный аспект

4.1a. Постстратификация общества.

4.2.S. Появление нового измерения глобального неравенства – информационного.

4.3.S. Преобладание сетевых иерархических структур над сетевыми-одноранговыми и номенклатурно-бюрократическими структурами.

4.4.S. Формирование нового «праздного класса» - креаклов.

4.5.S. «Удвоение» общества в технологической виртуальной среде (Интернет).

5. Политический аспект

5.1a. Технократизм элит и профессионализация манипулятивных политических практик.

5.2.S. Глобальное разделение мира в зависимости от отношения к исследованиям в области новых технологий и правообладания ими.

5.3.S. Подмена интернет-демократии электронной бюрократией.

5.4.S. Использование ИКТ для установления мягкого контроля за гражданским обществом.

Предлагаемая атрибутивно-сигнатурная модель QIS Цифровой эпохи органично включает в себя проанализированные ранее антиномии, устраняя таким образом теоретическое противоречие между принципами, концептуальными проектными идеями с одной стороны и непредвиденными последствиями процессов информатизации и спонтанными решениями, с другой.

Глава 3. «Атрибуция и конфигурация культуры Цифровой эпохи» посвящена обоснованию атрибутивно-сигнатурной модели культуры Цифровой эпохи и выявлению ее конфигураций.

В параграфе **3.1. «Атрибутивно-сигнатурная модель культуры Цифровой эпохи»** предпринимается попытка представить систему черт современной культуры. К числу фундирующих атрибутов культуры Цифровой эпохи автор относит: 1) глобальный характер современной культуры; 2) исчезновение четко определенного смыслового ядра глобальной культуры и определенного этим смысловым ядром

культурного мейнстрима; 3) реактуализация архаических культурных феноменов и практик, вызванная виртуализацией социокультурной среды глобальных коммуникаций и связанными с этим процессами.

К сигнатурным чертам культуры Цифровой эпохи отнесены:

1. Сверхтекучесть и динамичность культурных форм, что определяется, с одной стороны, мгновенным характером коммуникации, с другой – плотностью меж- и внутрикультурных взаимодействий;
2. Высочайший рекуперативный потенциал;
3. Отсутствие специального времени для восприятия культуры, фрагментарность культурного потребления;
4. Визуальный характер, фигуративность;
5. Трансгенность различных видов искусства и художественного творчества;
6. Парная полярность феноменов и культурных трендов;

К числу сигнатурных полярных пар черт культуры Цифровой эпохи отнесены:

7. Квантифицированность и высокая степень меметизации vs неоконченность и принципиальная открытость для продолжения, гипертекстуальность;
8. Конвергенция и коадаптация vs радиация коммуникационных средств;
9. Коммуникационная конфликтность и Replique-характер коммуникации vs толерантность, мультикультурализм, диверсификация и репрезентативность;
10. Многопоточность vs высокий потенциал культурной инвазии.

Представленный набор черт в полной мере соответствует атрибутивно-сигнатурной модели современного quasi информационного общества, которая была разработана в предыдущей главе исследования.

3.2. Модели глобализации культуры. В работе выделяются четыре теоретических сценария протекания реальных глобализационных процессов:

1. *унификация* по некоторому существующему образцу. Этот вариант вызывает наибольшее количество споров и возражений.

2. *универсализация*, смысл которой заключается в том, что локальная культура вырабатывает в ходе своего естественного развития универсально-применимые ценности и образцы.

3. *интеграция* – углубление и расширение взаимосвязей внутри и между регионами земного шара. Интеграция протекает в двух измерениях.

4. *конвергенция (-с)* – сближение по социальным, экономическим и культурным критериям различных регионов. Все культуры, развивающиеся по этому сценарию, создают некий общий, но еще не существующий, в отличие от варианта интеграции, субстрат.

В современном глобальном культурном пространстве реализуются все четыре сценария, однако, вероятно, наименее слабой векторной величиной является унификация, а наиболее сильной – конвергенция, определяемая общностью виртуальной социальной среды, под воздействием которой многократно ускорились процессы культурной диффузии и обмена, культурная инвазия и происходит перестройка локальных культур.

3.3. Конфигурация культуры Цифровой эпохи. Конфигурация культуры Цифровой эпохи определяется как ее фундирующими атрибутами (в первую очередь – глобальным характером), так и сигнатурами.

Культура современности не представляет собой единого и неделимого целого. Ее целесообразно представить в виде сложной, обладающей внутренней локализованной структурой системы, конфигурированной следующим образом: 1. Глобальная культура.; 1.1. Субкультуры глобального влияния; 1.2. Локальные культуры глобального влияния; 1.2.1. Локализованные субкультуры; 1.3. Локальные культуры, внешне включенные в глобальную культуру (объекты культурной глобализации): псевдотрадиционные / ретрайбализирующиеся культуры; 2. Культуры-изоляты.

Глобальная культура и выделившиеся в ее культурном пространстве субкультуры глобального влияния обладают наибольшим потенциалом инвазивности, в тоже время в силу особенностей социально-коммуникационной среды, в которой они сформировались, они отличаются общим свойством – отсутствием единого и четкого ценностно-смыслового ядра. Культурный ландшафт Цифровой эпохи определяется в первую очередь не аморфной и ценностно-неопределенной, синкретичной глобальной культурой, а ее «пиками» – субкультурами глобального влияния, которые получают массовое распространение в культурном пространстве всего глобализованного сегмента мира.

Малые субкультурные группы Цифровой Эпохи начали интегрироваться в более крупные объединения – суперсубкультуры, которые более не исключают себя из «большого» культурного пространства, но в отличие от «большого» культурного пространства, ставшего мировоззренчески аморфным и синкретичным, предлагают человеку определенное мировоззренческое ядро.

Диссертант выделяет суперсубкультуры:

Глэм-культура: клаберы, мажоры, «золотая молодежь», городские спортивные субкультуры, хипстеры, ванильки, гламурки / глэмки.

Гик-культура: геймеры, бордгеймеры, косплееры, отаку, поклонники комиксов, члены фэндомов научно-фантастических и фэнтезийных сеттингов, ролевики, техногики, ретрогеймеры и пр.

Нуль-культура: хикикомори, дауншифтеры, нёрды.

К числу значимых критериев выявления суперсубкультур были отнесены: базовая мотивация-объяснение характера их деятельности и

репрезентации ее результатов в социокультурном пространстве; сущностный характер социокультурного действия; отношение к маркерам социальной успешности.

3.4. Реактуализация архаических практик и форм в культуре Цифровой эпохи. Для современной культуры характерны, с одной стороны, сакрализация научного знания, утрата обывателем ясной и четкой картины мира (не столько в силу необъяснимости научных открытий и эзотеричности науки, сколько в силу информационной перегрузки) и, с другой стороны, возвращение к доминированию аудиовизуальной коммуникации после короткого периода, когда гораздо более значительную долю в коммуникации занимали письменные и печатные формы коммуникации. Это позволяет поставить вопрос о возможности реактуализации архаических (вплоть до первобытных) практик и форм именно на современном – Цифровом – этапе развития культуры. Этому немало способствует наблюдаемое торжество малых идентичностей – от ретрайбализации, процессы которой протекают во многих регионах мира до увеличения числа и уменьшения времени жизненного цикла субкультур.

В конце XX – начале XXI в. наблюдаются тенденции, которые свидетельствуют о частичной реставрации или по крайней мере реактуализации архаических культурных практик: доминирование чувственно-кинестического и зрелищного начал в искусстве (всевозможные контактные и интерактивные формы); переход к фигуративно-реалистичному изображению; синкретический синтез различных видов искусств и культурной деятельности: интерактивное кино, видеоигры, настольно-цифровые игры, зрелища дополненной реальности и т.д.; повышение роли иррационального начала, в том числе в областях, которые, казалось бы, наоборот тесно связаны с предельно рациональным научным началом, например, в ИКТ.

3.5. Гуманистические тренды развития социокультуры Цифровой эпохи. Информационное общество, будучи воплощаемой политически наивной утопией, также никогда не лишалось и компонента сильной утопии, воплощенной в социальных практиках, рефлекслируемой в форме художественных произведений или политических идей, вытесненных в маргинальную область пространства публичных общественных дискуссий.

Оценить гуманистический потенциал культуры квази-«информационных обществ» Цифровой эпохи можно, анализируя в том числе те тренды его развития, которые не получили должного государственного и корпоративного внимания и поддержки, однако развиваются спонтанным образом. Большинство из таких трендов также являются непреднамеренными и неспрогнозированными следствиями развития и внедрения ИКТ.

A1. Качественное повышение уровня кооперации и самоорганизации человеческих сообществ.

A2. Увеличение роли добровольчества, волонтерства и коллективных действий.

B3. Качественное изменение моделей монетизации интеллектуальной собственности и исключительных прав автора.

B4. Переход к посткапиталистическим логикам обмена, например, цифровой дарономике.

C5. Повышение контроля гражданского общества за политической сферой.

C6. Информационная проницаемость границ.

D7. Освобождение от труда.

D8. Увеличение числа работников творческих и креативных индустрий, научных работников.

Каждому из этих трендов противостоят тенденции обратного характера. Цифровая эпоха формируется не только как политический проект, но и в результате стихийно возникающих и развивающихся процессов и феноменов.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются его результаты и намечаются основные направления дальнейшей научной разработки исследования проблематики, поднятой в диссертационной работе.

Основные положения диссертации представлены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

1. Тузовский И. Д. Интернет – территория «фронта» Информационного общества / И. Д. Тузовский // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 229-236.

2. Тузовский И. Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума / И. Д. Тузовский, В. Е. Солдатов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 3. – С. 40-49.

3. Тузовский И. Д. Исторические обстоятельства, обусловившие синкретизм и конвенционализм современного состояния теории информационного общества / И. Д. Тузовский // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3. – С. 7-15.

4. Тузовский И. Д. Гик-комьюнити как суперсубкультура / И. Д. Тузовский, Е. А. Андреев // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3. – С. 22-27.

5. Тузовский И. Д. Гик-, глэм- и нуль-культуры как суперсубкультуры Цифровой эпохи / И. Д. Тузовский, Е. А. Андреев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 4 (209). – С. 268-273.

6. Тузовский И. Д. Теоретические модели культурной глобализации в Цифровую эпоху / И. Д. Тузовский // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 2 (54). – С. 29-36.

7. Тузовский И. Д. Гуманистические тренды информационного общества / И. Д. Тузовский // Философия и культура. – 2018. – № 10. – С. 18-27. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27897 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27897.

8. Тузовский И. Д. К вопросу об атрибутивных чертах культуры Цифровой эпохи / И. Д. Тузовский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 46-59.

9. Тузовский И. Д. Гик-культура: новаторское явление современной цивилизации / И. Д. Тузовский, Е. А. Андреев, Г. М. Казакова // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 1А. – С. 85-91.

10. Тузовский И. Д. Гик-культура в контексте культурологического анализа / И. Д. Тузовский, Е. А. Андреев, Г. М. Казакова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 31. – С. 65-73.

11. Тузовский И. Д. Зрелищная культура как ресурс мягкой силы информационного общества / И. Д. Тузовский, В. С. Складорова // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 1А. – С. 230-237.

12. Тузовский И. Д. Мягкая сила как основа культурной политики Цифровой эпохи / И. Д. Тузовский // Вестник культуры и искусств. – 2019. – № 1 (57). – С. 91-96.

13. Тузовский И. Д. Глобальный праздник как культурный феномен Цифровой эпохи / И. Д. Тузовский // Человек и культура. – 2020. – № 4. – С. 33-48 DOI: 10.25136/2409-8744.0.0.31767 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31767.

14. Тузовский И. Д. От «Информационного общества» к «Цифровой эпохе»: гипотетическое моделирование идеального типа / И. Д. Тузовский // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 2. – С. 78-86

15. Тузовский И. Д. Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего / И. Д. Тузовский // Философская мысль. – 2020. – № 12. – с. 42-60. DOI: 10.25136/2409-8728.0.0.34257 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34257.

16. Тузовский И. Д. Утопические универсалии в контексте концепции «информационного общества» / И. Д. Тузовский // Философская мысль. – 2021. – № 7. – С. 18-29. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.7.36034 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36034.

Монографии

17. Тузовский И. Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» / И. Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культ. и искусств. – 2-е изд., доп. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – 426 с.

18. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопии футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский. - Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – 312 с.

19. Тузовский И. Д. Антиномии чтения, грамотности и образования в информационном обществе // Чтение. XXI век: коллективная монография / науч. ред.-сост. В.Я. Аскарлова. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. – 472 с. – С. 95-121

Тезисы докладов на научных конференциях, статьи в научных журналах и сборниках научных трудов

20. Тузовский И. Д. Архаические тенденции в пространстве современных высокотехнологичных культурных форм // Высшее образование для XXI века : материалы VII Междунар. науч. конф. (18–20 нояб. 2010 г.). – Москва : Москов. гуманитар. ун-т, 2010. – С. 143–155.

21. Тузовский И. Д. Образовательный и культурный потенциалы Интернет-коммуникационного механизма «заражения»: от медиа-вирусов к позитивным инновациям // «Қазақстанның қазіргі полимәдениеттіл кеңістігіндегі білім берудің инновациялық теориялары мен технологиялары» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдары. – Астана: Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2010. – 410 с. – с. 282-284.

22. Тузовский И. Д. Сеть оправдывает средства: к вопросу о сетевой природе современного общества // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы междунар. научн.-творч. форума (Челябинск, 2-3 ноября 2010 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е.В. Швачко. – Челябинск, 2010. – Ч. II. – 289 с. – с. 262-265.

23. Тузовский И. Д., Дыдров А. А. Сложность определения жанровых границ утопии и антиутопии: проблемы и возможности индуктивной и субъективно-оценочной идентификации // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы международного научно-творческого форума. составитель Е.В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2010 – С. 43-49.

24. Тузовский И. Д. Апология и критика эпистемологического анархизма П. Фейерабенда // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы международного научно-творческого форума. составитель Е.В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2011 – С. 205-209.

25. Тузовский И. Д. Интернет: средство, среда или ситуация коммуникации? // Культура – искусство – образование: сохранение традиций и новаторство: материалы XXXII науч.-практ. конф. проф-преподават. состава акад.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культ. и искусств. – Челябинск, 2011. – ч. 2. – с. 98-100.

26. Тузовский И. Д. Будущее идентичности: iidentity человека эпохи Интернет? // Цивилизационная идентичность в эпоху глобализации: международная молодежная научная конференция (10 марта 2011 г., Минск) / Национальная библиотека Беларуси. – Минск, 2011. – 304 с. – С. 256-261.

27. Тузовский И. Д. Футурология и\как идеология: о новом подходе к типологии социальных прогнозов // Челябинский гуманитарий. – 2011. – т. 2. – № 15. – С. 96-100.

28. Тузовский И. Д. Антиномии информационного общества // Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, 2014. – С. 65-67.

29. Тузовский И. Д. Информационное общество как утопия XXI в. // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы международного научно-творческого форума. составитель Е.В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2014. – С. 139-141.

30. Тузовский И. Д. Парадоксы цифровой эпохи: к вопросу о статусе информационного общества // Ўрта махсус ва олий таълим тизимида фаолият кўрсатаётган педагог кадрларнинг касбий компетентлигини такомиллаштириш: Материаллари тўплами мавзусидаги илмий-амалий конференция. – Бухара: Бухоро давлат университети, 2015. – С. 276-280.

31. Тузовский И. Д. Парадоксы информационного общества // Информационное общество. – 2015. – № 6. – С. 25-34.

32. Тузовский И. Д., Швачко Е. В. Видеоигры как детско-подростковая культурно-досуговая практика: рекомендации по оптимизации использования // Образование в искусстве и культуре: инновационные процессы, поиски, результаты : сборник материалов традиционной научно-теоретической и практической конференции профессоров-преподавателей. составители: Х. Исмоилов, Н. Раимкулова, С. Ражабова, Р. Уснатов; ответственные редакторы: Б. С. Сайфуллаев, Г. Э. Халикулова, Х. Исмоилов. – Ташкент, 2017. – 334 с. – С. 317-329.

33. Тузовский И. Д. Проект «Информационное общество» как примитивная социальная утопия // Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Томаса Мора). Материалы Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции. – Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования», 2017. – 308 с. – С. 45-49.
34. Тузовский И. Д. Спецификации культуры Цифровой Эпохи // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. 31 окт. – 3 нояб. 2017 г. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – С. 55–60.
35. Kazakova G. M., Andreev E. A., Tuzovskiy I. D. Geek Culture as a New 'Image' of Contemporary Culture // Facets of Culture in the Age of Social Transition Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation. - Ekaterinburg: Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2018. p. 169-175. (Web of Science).
36. Швачко Е. В., Тузовский И. Д. Глобальные сценарии развития образования в XXI в. // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 75-84.
37. Tuzovsky I. D. Antinomies of the Digital Age // Челябинский гуманитарий. 2020. № 3. с. 40-46;
38. Тузовский И. Д. Дивергенция футурологического алармизма в Цифровую эпоху: жанрообразование на основе антиутопий в конце XX – начале XXI вв. // // Утопические проекты в истории культуры : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ростов-на-Дону: издательство ЮФУ, 2020.
39. Тузовский И. Д. Суперсубкультуры в городском пространстве Цифровой эпохи // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума (научной конференции), 12-13 ноября 2020 г. / Сост. С.Б. Синецкий (отв. сост.), А.В. Лушникова (науч. ред.). – Челябинск: ЧГИК, 2020. – 281 с. – С. 26-30.
40. Швачко Е. В., Тузовский И. Д., Пушкарев А. Э. Геймификация подрастающего поколения: за или против // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. - № 4. – С. 103-108.